

Шутка как нарративный текст и инструментальное средство развития межличностного взаимопонимания

М.М. Елфимова*,
ФГБОУ ВО «ОГПУ», Оренбург, Россия,
elfimovamarya@yandex.ru

Далеко не каждый привлекаемый в профессиональное или повседневное взаимодействие с Другим инструмент позволяет двигаться в зоне ближайшего развития в коммуникативном партнерстве. Широкий спектр таких инструментов взаимодействия в основном представляет собой директивный, экспертный формат. Проблема поиска психотехнических средств, адекватных сотрудничающим отношениям, обращает нас к комическому материалу (юмору), а именно, к одной из его форм — шутке. Привлечение шутки в коммуникацию с клиентом как психотехнического средства позволяет совершать определенные высказывания о должном, или сообщать о необходимости каких-либо действий, с позиции равенства, не ограничивая свободу человека, становясь понятным для него в своих интенциях, ценностно-смысловых ориентировках и, вместе с тем, сохранять люфт для корректировки собственных суждений и действий. Объяснительные возможности культурно-исторической концепции и нарративного подхода в психологии, а также идеи планомерно-поэтапного формирования действия позволяют рассмотреть шутку как инструментальное средство нарративного понимания межличностных отношений.

Ключевые слова: понимание межличностных отношений, юмор, смеховое действие, ориентировка, шутка, нарратив, психотехническое средство.

Joke as Narrative Text and Instrument for Developing an Understanding of Interpersonal Relationships

M.M. Elfimova,
Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia,
elfimovamarya@yandex.ru

Not every instrument involved in professional or everyday interaction with others allows one to move in the zone of proximal development in a communicative partnership. Despite a wide range of such work tools, for the most part they are of directive, expert format. The need to find psychotechnic means adequate to cooperative relations draws our attention to comic instruments (humor), namely to one of its forms – joke. Bringing joke into our communication with others appears a kind of tactics that allows partners to make certain statements about necessary things or actions from equal positions, without restricting each other's freedom, making their intentions, values and meanings clear, while retaining an opportunity to correct their judgments and actions. Explanatory opportunities of the cultural-historical concept and narrative approach in psychology, as well as the ideas incorporated in the method of stage-by-stage formation of action, allow us to consider joke as a means of narrative understanding of the interpersonal relationships.

Keywords: understanding interpersonal relationships, humor, laughing action, orientation, joke, narrative, means.

Для цитаты:

Елфимова М.М. Шутка как нарративный текст и инструментальное средство развития межличностного взаимопонимания // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 1. С. 23–29. doi: 10.17759/chp.2018140103

For citation:

Elfimova M.M. Joke as Narrative Text and Instrument for Developing an Understanding of Interpersonal Relationships. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2018. Vol. 14, no. 1, pp. 23–29. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2018140103

* Елфимова Мария Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии, Оренбургский государственный педагогический университет (ФГБОУ ВО ОГПУ), Оренбург, Россия. E-mail: elfimovamarya@yandex.ru
Elfimova Mariya Mikhaylovna, PhD in Psychology, Assistant Professor, Department of Developmental and Pedagogical Psychology, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia. E-mail: elfimovamarya@yandex.ru

Я понял, в чем ваша беда: вы слишком серьезны.

Умное лицо — это еще не признак ума, господа.

Все глупости на земле делаются именно с этим выражением лица.

Улыбайтесь, господа. Улыбайтесь!

Из фильма Марка Захарова «Тот самый Мюнхгаузен»

Возможно, прозвучит очень категорично, но пока существует сам человек, вопрос межличностного взаимопонимания, того, как человек отстраивает ориентировку в своих отношениях с Другим и что может способствовать развитию такого понимания, останется открытым. А учитывая, что задается он на фоне все более усложняющихся социальных контактов (в результате миграции, глобализации, мобильности), продолжить поиск в направлении того, что может привлекаться человеком в качестве средства помощи в выстраивании конструктивных межличностных отношений, отношений, в которых удается услышать и понять друг друга, становится особенно актуально и с социальной, и с научной, и с практической точек зрения.

Поиск таких психотехнических средств обращает нас к комическому материалу (юмору), а именно, к одной из его форм — *шутке*. Заметим следующее, что отчасти побудило нас обратиться именно к этой знаково-символической конструкции: шутка «обязана» быть понятой, иначе она не произведет эффекта, даже если мотивировка шутящего носит узколичностный характер. Отметим, что в разных предметных контекстах чувство юмора уже не раз становилось фокусом рассмотрения: функция комического как посредника в эмоциональном овладении собственной психической деятельностью (М.В. Бороденко); психодиагностические и регулятивные возможности юмора в экстремальных условиях (Н.П. Дедов); влияние уровня семиотической организации анекдота на переживание национальной идентичности (Е.А. Копылкова); чувство комического как фактор оптимизации эмоционально-нравственного развития детей дошкольного возраста (О.М. Попова); клинические исследования чувства юмора С.Н. Ениколопова, Е.М. Ивановой, Е.А. Стефаненко; ослабление этнической предубежденности, основанное на использовании юмористического материала (А.М. Арбитайло); когнитивные механизмы понимания комического (О.В. Щербакова); юмор как фактор профессионального здоровья (А.Г. Буенок); юмор как психологическое орудие личностной регуляции (И.С. Домбровская). Можем заметить, что основная концептуальная нагрузка в исследованиях приходится на рассмотрение юмора как когнитивного феномена, обладающего терапевтической функцией, и лишь небольшой процент составляет обращенность к его *развивающему функционалу*. И здесь мы разделяем позицию ряда исследователей (М.В. Бороденко, И.С. Домбровской, Д.А. Леонтьева), утверждающих, что данная функция юмора в полной мере может быть развернута и обоснована с использованием культурно-исторического подхода с его идеей орудийности развития высших психических функций, «орудий-органов», которые «... не

просто дают нам некоторое представление о мире, а порождают в нас новый личностный опыт, определенные состояния и качества, которых без нашего взаимодействия с ними не было и быть не могло» [11, с. 96], и концепцией планомерно-поэтапного формирования действия П.Я. Гальперина.

Задачи предлагаемого теоретико-концептуального обоснования: 1) конкретизировать понятие «межличностное взаимопонимание» и обосновать необходимость рассмотрения юмора как способа понимания (ориентировки) межличностных отношений; 2) корреспондируя культурно-историческую концепцию и нарративный подход в психологии, а также опираясь на идею планомерно-поэтапного формирования действия, показать возможности шутки как инструментального средства развития межличностного взаимопонимания в совместной деятельности терапевта и клиента.

Межличностное взаимопонимание — предметно опосредованный и контекстуально обусловленный (понимание личностных особенностей партнера, совместных стремлений и ситуации взаимодействия) процесс и результат совместного конструирования смысла высказываний, поведения и переживаний друг друга [1; 16]. Результатом такого взаимопонимания становится: 1) изменение в понимании себя; 2) изменение в понимании Другого; 3) изменение в понимании ситуации взаимодействия. Своим проявлением эти изменения находят в том, что: 1) перестраиваются схемы и стратегии понимания себя, Другого и ситуации взаимодействия; 2) происходит согласование и преобразование фокусов взаимопонимания (с Другого он может быть перенаправлен на себя или на ситуацию и т. д.); 3) удовлетворяется или фрустрируется мотивировка участников взаимодействия [1]. В итоге успешное или удавшееся межличностное взаимопонимание будет характеризоваться:

— целостностью понимаемых отношений, обеспечивающейся позиционностью действия как тройственного, удерживающего одновременно свою и иную точку зрения (позиции), и саму ситуацию взаимодействия (ее контекст);

— эвристичностью процесса межличностного взаимопонимания, заключающейся в том, что на каждом последующем уровне познания происходит приращение новых знаний, открывающих новую перспективу связей и взаимоотношений; когда происходит постоянное движение мысли, не сводящейся к чему-то, уже понятному и известному: «Характерно, что в такой коммуникации не бывает, как правило, никакого предварительного образа результата. Здесь и субъект, и ведущий погружены в сотворчество, и у того, и у другого совершается некоторое “приращение себя”» [11, с. 106];

— диалогической интенциональностью — ориентированностью и обращенностью к Другому; про-

является в выходе за собственные границы, «на границах с миром рождается переживание собственной личности; они показывают субъекту, где он заканчивается и начинается кто-то другой, т. е. ориентируют растущего человека в мире других людей» [21, с. 16];

— вероятностным прогнозированием и способностью рассуждать о дальнейшем ходе и смысле коммуникации.

Рассматривая выделенные характеристики как результат состоявшегося межличностного взаимопонимания, нам представляется важным задать вопрос, что за обобщенное действие может обеспечивать такой результат, а в терминологии П.Я. Гальперина — «продукт» [14]? Действие характеризуется прежде всего своим продуктом. «Поэтому вначале вы указываете продукт, который должен быть достигнут, с определенными показателями этого продукта, затем действие, которое ведет к этому продукту» [14, с. 168]. В качестве такого действия мы предлагаем рассмотреть «смеховое действие». «Смеховые действия — это действия символического типа, которые могут рассматриваться как особые знаки, содержащие самоотрицание, допускающие свободу выбора противоположных вариантов интерпретации. Смещение смыслов создает измененное состояние сознания, не критичность, что является лучшей почвой для внесения нового смысла, новой установки» [9, с. 10]. Юмор выступает способом принятия противоречия, несоответствия, двусмысленности, свойственных межличностным отношениям, это способ игры с несоответствиями в отношениях. «Одновременно выражая противоположные значения, юмористический способ коммуникации дает общие концептуальные рамки, которые сводят вместе противоречия вместо того, чтобы избегать их» [23, с. 144].

Построение такого способа взаимодействия с другим человеком, при котором открывается то, что раньше было скрытым или плохо различимым, а именно, существенные отношения, мы видим задачей совместной работы в психологическом консультировании. И в этом случае вслед за А.Л. Венгером, А.Б. Холмогоровой, В.К. Зарецким, В.И. Цыбулей продолжаем традицию рассмотрения психотерапии (в широком понимании) как совместную деятельность терапевта и клиента. В процессе взаимодействия с терапевтом клиент осваивает способ действия с предлагаемым психологическим средством, или знаково-символической конструкцией, которая вначале выступает как внешняя опора. Мы видим возможным в качестве такой знаково-символической опоры рассматривать шутку. С позиции культурно-исторической психологии и деятельностного подхода построение и сообщение шутки осуществляется как открытое действие и способ включения Другого во взаимодействие. Уточним это следующими положениями.

Во-первых, шутка как средство позволяет перемещаться в зоне ближайшего развития взаимодействующих субъектов, т. е. в зоне сотрудничества: «Использование той или иной шутки для поведения адресата является своеобразной тактикой адресата,

позволяющей ему совершать определенную прескрипцию с позиции равенства, не ограничивая личную свободу индивида и избегая непосредственного вторжения в его волевою сферу. Автор намеренно избегает директивных речевых актов, предпочитая им косвенные, создаваемые в рамках игровой конвенции юмористического дискурса» [20, с. 15]. В своей развитой форме юмор становится путем к переживаниям эмоционально-значимых моментов в отношениях взаимодействующих субъектов, а, следовательно, он сигнализирует об истинности происходящего в отношении и интенции «быть с Другим» [15]. Прозвучавшая от человека шутка — как перекинутый мостик для Другого, приглашение увидеть неоднозначность ситуации, ее оценки, она привносится в отношения и предлагается как средство взаимодействия. «Средства — это всегда опоры перехода от действия одного человека к действию другого, опоры строения роли своего действия в ориентировке действия другого человека и, наоборот, роли действия другого человека в ориентировке своего действия» [30, с. 110]. Ориентировка представляет собой подлинный механизм сотрудничества [10].

Во-вторых, через шутку отношения опосредуются. С учетом состава акта опосредствования, по Б.Д. Эльконину [30], осуществление смехового действия предполагает: 1) учет обстоятельств отношений, в которые привносится шутка; 2) «экранность», подразумевающая, что участники шуточной ситуации могут наблюдать за своими действиями, опосредованными текстом шутки как знаком; шутка (знак) — как «экран», на котором проецируются действия; 3) позиционность действия, т. е. обретение способности удерживать одновременно и свою точку зрения, и точку зрения Другого.

В-третьих, шутка, в отличие от анекдота, не является готовым текстом, она конструируется в определенных обстоятельствах, отстраивается под конкретную ситуацию, а значит, представляет собой как минимум полную *обобщенную систему ориентировочной основы коммуникативного действия*, самостоятельно составляемую субъектом в каждом конкретном случае. Движение по этой схеме (сценарию) должно привести участников взаимодействия к обнаружению двойного смысла ситуации, поскольку в шутку заведены сразу две опоры для интерпретации оппозиционных ситуаций [7]. «Когда человек пытается понять шутку, активизируется внутренний сценарий, чтобы имели смысл события, описанные в основной части шутки. Однако кульминационный пункт шутки вводит элементы, которые несовместимы с этим первым сценарием, что заставляет человека переключиться с одного сценария на другой. Кульминационный пункт шутки заставляет слушателя вернуться назад и понять, что с самого начала была возможна другая интерпретация (т. е. альтернативный сценарий)» [23, с. 117].

Помещение проблемы рассмотрения шутки в фокус нарративного подхода, на наш взгляд, дает возможность увидеть дополнительные характеристики ее инструментальности, которые могут быть заве-

дены в схему ориентировочной основы коммуникативного действия, т. е. когда шутка привлекается как психотехническое средство. Инструментальность любой знаково-символической конструкции определяется следующими критериями, выделенными Л.С. Выготским и его последователями:

1) активность по отношению к себе — проявляется в инструментальном акте;

2) применение инструментальных средств, включенное в процесс поведения, — «видоизменяет все протекание и всю структуру психических функций, определяя своими свойствами строение нового инструментального акта» [12, с. 225];

3) появление внутреннего плана действия, т. е. ориентировки на характер и результат действий другого человека — «как в этом случае должен поступить я, если он ...?».

«Нарратив» (от англ. и франц. — «рассказ», «повествование») — исторически и культурно обоснованная интерпретация какого-нибудь аспекта мира с позиции автора (некоторой человеческой личности), — представляет собой историю, в которой отражается опыт написавшего/озвучившего ее человека. В своем анализе мы будем определять нарратив как повествование, имеющее своего автора, нарратора (рассказчика), который через текст означает и осмысливает собственную картину мира.

С. Аттардо рассматривает жанр шутки как рассказ о событии с неожиданной концовкой [31]. М. Флудерник определяет шутку как нарратив особого рода — микронарратив [34]. А.И. Афанасьев и И.Л. Василенко акцентируют внимание на том, что смешное всегда имеет нарративную форму, свернутую в виде шутки или короткой реплики [2].

Обратимся к тем характеристикам нарратива, которые позволяют в-первую очередь увидеть в нем психотехническое средство отстраивания взаимного понимания межличностных отношений.

1. Ф.И. Барский, давая определение и выделяя структуру нарратива, отмечает, что рассказываемые истории подчиняются определенной системе правил, «... которые вместе составляют “грамматику истории”: обстановка, запускающее событие, внутренний отклик, попытка, последствие, реакция» [4]. Тем самым нарратив является темпоральной формой, «успешной в схватывании смысла прожитого времени» [8, с. 10]. Становится важным учесть ситуацию построения нарратива как ответ на вопрос, почему именно в данный момент времени возникла потребность в наррации, в появлении смеси чуда и скандала. «Это уплывающее от нас событие должно быть поймано — как начало истории, как перелом» [3].

2. Следующей важной характеристикой является то, что у каждой истории есть свой рассказчик и своя реальная (или представляемая) аудитория. Наррация всегда предполагает присутствие в ситуации слушателя, лица, к которому обращается рассказчик. Причем это не только то лицо, или буквальным человеком, который находится сейчас непосредственно в ситуации коммуникации. Это и сам повествующий, он также становится для себя персонажем действия, находясь в

ситуации «здесь-и-теперь», именно он (автор) определяется с моментом интенции, на нем ответственность проявленного намерения сообщить текст.

3. Принципиально необходимо указать, что все истории характеризуются наличием «двойного ландшафта», и это есть сущностная составляющая нарратива. Выделяют ландшафт действия, в котором разворачиваются события, и ландшафт сознания как внутренняя речь главного героя, включенного в действие. Эту же идею мы находим и у М.М. Бахтина. Давая характеристику нарративного произведения, М.М. Бахтин вносит уточнение: «Перед нами два события — событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели); события эти происходят в разные времена (различные и по длительности) и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте» [5, с. 403—404].

4. Нарратив — это форма объективации смысла, прецедентный модус, которым руководствуется человек. Как языковая конструкция нарратив становится своеобразным фильтром, который направляет мышление человека, объективирует его смыслы и оформляет картину мира в целом, т. е. становится «культурными очками».

5. Обретая собственную стилистику описания опыта своих переживаний, субъект наррации обретает возможность выйти за пределы «знаемого», по-новому его увидеть, по-новому увидеть себя. «Я верю, что способы говорения и способы концептуализации, соответствующие им, становятся настолько привычными, что в результате становятся средством для структурирования самого опыта, для прокладывания путей в память, не только управляя жизненным описанием настоящего, но и направляя его в будущее» [8, с. 28].

6. Как текст нарратив представляет собой знаковую систему, которая первоначально разделена между людьми, а впоследствии интериоризируется.

Опираясь на вышесказанное, обозначим совокупные характеристики, которые в итоге дают возможность рассматривать шутку как инструментальное средство нарративного понимания межличностных отношений, перестраивающее его и приводящее к взаимопониманию.

Во-первых, у шутки есть автор, ее кто-то рассказывает. «Адресант шутки всегда непосредственно присутствует в дискурсе, именно он является создателем текста» [20, с. 17]. Позиция автора в шутке-нарративе является его организующим началом. Иницируя наррацию через шутку, адресованную Другому, автор в этот момент приобретает возможность что-то понять и о себе, это он организовал «место встречи», происходит, своего рода, *самопонимание*, *центрированное на Другом*. «Скрещиваются и сочетаются два сознания (я и другого); здесь я существую для другого и с помощью другого. История конкретного самосознания и роль в ней другого. Отражения себя в другом» [6, с. 429—430].

Во-вторых, обращенность шутки, присутствие в ситуации ее адресата, который «оказывается субъектом будущего действия» [18, с. 20]. Шутка всегда характеризуется своей «двусубъектностью», в нее заведено намерение взаимодействовать и «открыть» для себя Другого как активного участника (а не исполнителя), сделав тем самым понятным его для себя. Автор шутки с интересом наблюдает за последствиями своей игровой провокации. «Сложность двустороннего акта познания — проникновения. Активность познающего и активность открывающегося (диалогичность)» [6, с. 429—430].

В-третьих, индивидуальное сознание, привлекая шутку как культурную знаково-символическую форму, обретает не только культурное «средство», но и формообразующую структуру, сопричастие которой перестраивает весь процесс понимания отношений. Важно, что происходит не обучение каким-то знаниям, а изменение принципов мышления, которое меняет эгоцентрическую позицию на объективную позицию во взгляде на сущность происходящего, появляется гипотетичность собственной мысли, понимания той или иной ситуации или вещи. Неслучайно в обывательской психологии мы можем услышать рекомендацию «отнесись к этому с чувством юмора». Ведь здесь же предполагается именно не психотерапевтическое отреагирование переживаний, а попытка нового фокуса взгляда на ситуацию и себя в ней, которая в дальнейшем становится общим способом миропонимания, построения картины мира. «Человек “отчуждается” от самого себя, смотрит на себя как бы со стороны, находит смешное в себе самом, и эта вначале чисто интеллектуальная операция отчуждения (одно из высших проявлений сознания) смещает его “эмоциональную равнодействующую” в положительную сторону. Если же человек к тому же и остроумен, то в этой ситуации он может создать словесную остроту» [19, с. 42].

В-четвертых, шутке присуща «двокособытийность дискурсивных практик» — референтное событие и коммуникативное событие [25]. Референтная сторона события рассказывания отражает его предметно-тематическую сущность (о чем говорится): «Всякий текст — если не эксплицитно, то по крайней мере имплицитно — аксиологичен, он вольно или невольно манифестирует некую систему ценностей» [26, с. 21]. В коммуникативном событии рассказывания шутки участником становится сам слушатель-читатель. «В итоге именно читатель должен “сочинить” для себя то, что он намерен делать с реальным (т. е. референтной стороной события. — *Примечание автора*) текстом» [33, р. 24]. Уникальность ситуации опосредованности взаимодействия через шутку такова, что ее адресат является свидетелем *собственного выбора* в реакции на вновь обнаруживаемый ценностно-смысловой контент шутки и осуществляет перемещение с «ландшафта смысла» на «ландшафт действия». Таким образом, предложенная «мостопора» в шутке обеспечила переход от действия одного человека к действию другого, предварительно привнеся что-то новое в понимание о себе как *субъекте действия*.

Заметим, что выделенные характеристики релевантны критериям инструментальности, описанным выше. Таким образом, шутка как знаково-символическая конструкция организует место встречи посреднического смехового действия. Разворачиваемая через шутку оперативная схема мышления позволяет целостно-эвристично-интенционально подвести себя и Другого к пониманию складывающихся межличностных отношений — взаимопониманию. В данной статье мы предложили лишь общие черты той аргументации, которые в дальнейшем хотим исследовать. Безусловно, проектирование самого процесса конструирования комического и в том числе шутки требует дополнительного осмысления.

Литература

1. Арпентьева М.Р. Взаимопонимание как феномен межличностных отношений: автореф. дис. ... доктора. психол. наук. М., 2015. 54 с.
2. Афанасьев А.И., Василенко И.Л. Нарративные основания смешного [Электронный ресурс] // Доґа. Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. 2006. № 9. URL: http://doxa.onu.edu.ua/doxa_9.htm (дата обращения: 25.07.2017).
3. Барский Ф.И. Встреча, нарратив и интерпсихическая форма: дискуссия с доктором психологических наук Б.Д. Элькониным о первом номере журнала «Постнеклассическая психология» [Электронный ресурс] // Постнеклассическая психология. 2005. № 1. URL: http://narrativepsy.narod.ru/num1-2005_140.html (дата обращения: 22.07.2017).
4. Барский Ф.И. Определения и структура нарратива [Электронный ресурс] // Материалы ресурса под редакцией Д. Кутузовой. URL: <https://narlibrus.wordpress.com/2009/08/16/def-structure/> (дата обращения: 23.07.2017).

References

1. Arpent'eva M.R. Vzaimoponimanie kak fenomen mezhlichnostnykh otnoshenii: Avtoref. dis. ... doktora. psikhol. nauk. [Mutual understanding as phenomenon of the interpersonal relations. Dr. Sci. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2015. 54 p.
2. Afanas'ev A.I., Vasilenko I.L. Narrativnye osnovaniya smeshnogo [Elektronnyi resurs] [Narrative bases of ridiculous]. *Doґa. Doksa. Zbirnik naukovikh prats' z filosofii ta filologii* [Doґa. Doks. Collection of scientific works on philosophy and philology], 2006, no. 9. Available at: http://doxa.onu.edu.ua/doxa_9.htm (Accessed 25.07.2017).
3. Barskii F.I. Vstrecha, narrativ i interpsikhicheskaya forma: diskussiya s doktorom psikhologicheskikh nauk B.D. El'koninym o pervom nomere zhurnala «Postneklassicheskaya psikhologiya» [Elektronnyi resurs]. [Meeting, narrative and interpsychic form: discussion with Doctor of Psychology B.D. El'koninym on the first issue of the journal Postnonclassical Psychology]. *Postneklassicheskaya psikhologiya* [Postnonclassical psychology], 2005, no. 1. Available at: http://narrativepsy.narod.ru/num1-2005_140.html (Accessed 22.07.2017).

5. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. 2-изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
7. Бреддо И.Ф. Механизмы разрешения неоднозначности в шутке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. 18 с.
8. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1(2). С. 9–29.
9. Бороденко М.В. Комическое в системе установочной регуляции поведения: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 1995. 24 с.
10. Бурменская Г.В. Понятие «ориентировочная деятельность» как средство анализа феноменов психического развития в онтогенезе // Культурно-историческая психология. 2012. № 4. С. 7–12.
11. Буякас Т.М. Личностное развитие в условиях работы самопонимания, опосредствованной символами // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 96–108.
12. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. Изд-во АПН РСФСР, Москва, 1960. 450 с.
13. Гальперин П.Я. К проблеме внимания // Доклады АПН РСФСР. 1958. № 3.
14. Гальперин П.Я. Лекции по психологии. М.: Книжный дом «Университет»: Высшая школа, 2002. 400 с.
15. Елфимова М.М. Особенности чувства юмора у учителей с разным уровнем развития диалогичности межличностных отношений // Вопросы психологии. 2015. № 6. С. 38–46.
16. Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 448 с.
17. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.
18. Кошшина С.Г. Комический текст в аспекте его структурирования и понимания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.
19. Лук А. О чувстве юмора и остроумии. М.: Искусство, 1968. 192 с.
20. Месропова О.М. Структурный, прагматический и содержательный аспекты текстотипов анекдот и шутка (на материале американских текстов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 1999. 18 с.
21. Нартова-Бочавер С.К., Силина О.В. Динамика развития психологических границ на протяжении детства // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 3. С. 13–28.
22. Обухова Л.Ф. Теория П.Я. Гальперина – становление новой отрасли психологии // Культурно-историческая психология. 2010. № 4. С. 4–10.
23. Род М. Психология юмора. СПб: Питер, 2009. 288 с.
24. Турушева Ю.Б. Нарратив как культурный медиатор развития личности: взгляд сквозь призму культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 2. С. 24–32. doi: <http://dx.doi.org/10.17759/chp.2016120203>
25. Тюпа В.И. Дискурсивная практика теоретического мышления // Критика и семиотика. 2009. № 13. С. 142–151.
26. Тюпа В.И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. 2002. № 5. С. 5–31.
27. Уайт М. Карты нарративной практики: введение в нарративную терапию. М.: Генезис, 2010. 326 с.
28. Цыбуля В.И. К проблеме психологического понимания и исследования символа в психотерапии // Культурно-историческая психология. 2014. № 3. С. 114–122.
4. Barskii F.I. Opredeleniya i struktura narrativa [Elektronnyi resurs] [Definitions and structure of narrative]. *Materialy resursa pod redaktsiei D. Kutuzovoi* [Materials of the resource edited by D. Kutuzova]. URL: <https://narlibrus.wordpress.com/2009/08/16/def-structure/> (Accessed 23.07.2017).
5. Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let [Questions of literature and esthetics. Studies of different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1975. 504 p.
6. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. [Esthetics of verbal creativity]. Bocharov S.G. (ed.). Moscow: Iskusstvo Publ., 1986.
7. Brevdo I.F. Mekhanizmy razresheniya neodnoznachnosti v shutke: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [Disambiguation mechanisms in a joke. Ph. D. (Philology) Thesis]. Tver': Tver. gos. un-t, 1999. 18 p.
8. Bruner J. Zhizn' kak narrativ [Life as Narrative]. *Postneklassicheskaya psikhologiya* [Postnonclassical psychology], 2005, no. 1(2), pp. 9–29.
9. Borodenko M.V. Komicheskoe v sisteme ustanovochnoi regulyatsii povedeniya. Avtoreferat diss. ... kand. psikhol. nauk [Comic in the system of regulation of behavior. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow: MGU, 1995. 24 p.
10. Burmenskaya G.V. Ponyatie «orientirovochnaya deyatel'nost'» kak sredstvo analiza fenomenov psikhicheskogo razvitiya v ontogeneze [The concept of «orienting activity» as a means of analyzing the phenomena of mental development in ontogenesis]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2012, no. 4, pp. 7–12. (In Russ.; abstr. in Engl.).
11. Buyakas T.M. Lichnostnoe razvitie v usloviyakh raboty samoponimaniya, oposredstvovannoi simvolami [Personal development in operating conditions of self-understanding, mediate symbols]. *Voprosy psikhologii* [Psychology issues], 2000, no. 1, pp. 96–108.
12. Vygotskii L.S. Razvitie vysshikh psikhicheskikh funktsii [Development of the highest mental functions]. Moscow: APN RSFSR Publ., 1960. 450 p.
13. Gal'perin P.Ya. K probleme vnimaniya [To the problem of attention]. *Doklady APN RSFSR* [Reports APN RSFSR], 1958, no. 3.
14. Gal'perin P.Ya. Lektsii po psikhologii [Lectures on psychology]. Moscow: Knizhnyi dom Universitet Publ.; Vysshaya shkola Publ., 2002. 400 p.
15. Elfimova M.M. Osobennosti chuvstva yumora u uchitelei s raznym urovnem razvitiya dialogichnosti mezlichnostnykh otnoshenii [Characteristics of the humor of teachers with different levels of dialogism in interpersonal relations]. *Voprosy psikhologii* [Psychology issues], 2015, no. 6, pp. 38–46. (In Russ.; abstr. in Engl.).
16. Znakov V.V. Psikhologiya ponimaniya: Problemy i perspektivy [Psychology of understanding: problems and perspectives]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2005. 448 p.
17. Kondrat'ev M.Yu., Il'in V.A. Azbuka sotsial'nogo psikhologa-praktika [The ABCs of the of a social psychologist-practitioner]. Moscow: PER SE Publ., 2007. 464 p.
18. Konshina S.G. Komicheskii tekst v aspekte ego strukturirovaniya i ponimaniya: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Comic text in the aspect of its structuring and understanding. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2006. 24 p.
19. Luk A. O chuvstve yumora i ostroumii [About a sense of humor and wit]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1968. 192 p.
20. Mesropova O.M. Strukturnyi, pragmaticheskii i soderzhatel'nyi aspekty tekstotipov anekdot i shutka (na materiale amerikanskikh tekstov): Avtoref. dis. ... kand. filol.

29. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М., 1989.
30. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). М.: Трифола, 1994. 168 с.
31. Attardo S. The analysis of humorous narratives // *Humor*. 1998 № 22(3), P. 231–260.
32. Bruner J. Life as narrative // *Social Research*. 1987. 54(2). P. 11–32.
33. Bruner J. Actual minds, possible worlds. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1986.
34. Fludernik M. An introduction to narratology. London; New York: Routledge, 2006. 200 p.
- наук [Structural, pragmatic and content aspects of the text-type of anecdote and jokes (based on American texts)]. Ph. D. (Philology) Thesis]. Saint Petersburg, 1999. 18 p.
21. Nartova-Bochaver S.K., Silina O.V. Dinamika razvitiya psikhologicheskikh granits na protyazhenii detstva [Dynamics of development of psychological borders throughout the childhood]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya* [Actual problems of psychological knowledge], 2014, no 3, pp. 13–28.
22. Obukhova L.F. Teoriya P.Ya. Gal'perina – stanovlenie novoi otrasli psikhologii [Theory of P.Ya. Halperin – the emergence of a new branch of psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2010, no 4, pp. 4–10.
23. Rod M. Psikhologiya yumora [Psychology of humor]. St. Petersburg: Piter Publ., 2009. 288 p. (In Russ.).
24. Turusheva Yu.B. Narrativ kak kul'turnyi mediator razvitiya lichnosti: vzglyad skvoz' prizmu kul'turno-istoricheskoi psikhologii [Narrative as cultural mediator in personality development: looking through the lens of cultural-historical psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2016, no. 2, pp. 24–32. doi: <http://dx.doi.org/10.17759/chp.2016120203>. (In Russ., abstr. in Engl.)
25. Tyupa V.I. Diskursivnaya praktika teoreticheskogo myshleniya [Discursive practice of theoretical thinking]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 2009, no. 13, pp. 142–151.
26. Tyupa V.I. Oчерk sovremennoi narratologii [Essay on contemporary narratology]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 2002, no. 5, pp. 5–31.
27. Uait M. Karty narrativnoi praktiki: vvedenie v narrativnuyu terapiyu [Maps of narrative practice: an introduction to narrative therapy]. Moscow: Genezis Publ., 2010. 326 p.
28. Tsybulya V.I. K probleme psikhologicheskogo ponimaniya i issledovaniya simvola v psikhoterapii [To a problem of psychological understanding and a research of a symbol in psychotherapy]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2014, no 3, pp. 114–122. (In Russ.; abstr. in Engl.).
29. El'konin D.B. Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected psychological works]. Moscow, 1989.
30. El'konin B.D. Vvedenie v psikhologiyu razvitiya (v traditsii kul'turno-istoricheskoi teorii L.S. Vygot'skogo) [Introduction to the psychology of development (in the tradition of L.S. Vygotsky's cultural-historical theory)]. Moscow: Trivola Publ., 1994. 168 p.
31. Attardo S. The analysis of humorous narratives. *Humor*, 1998, no. 22(3), pp. 231–260.
32. Bruner J. Life as narrative. *Social Research*. 1987, no. 54(2), pp. 11–32.
33. Bruner J. Actual minds, possible worlds. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1986.
34. Fludernik M. An introduction to narratology. London; New York: Routledge, 2006. 200 p.